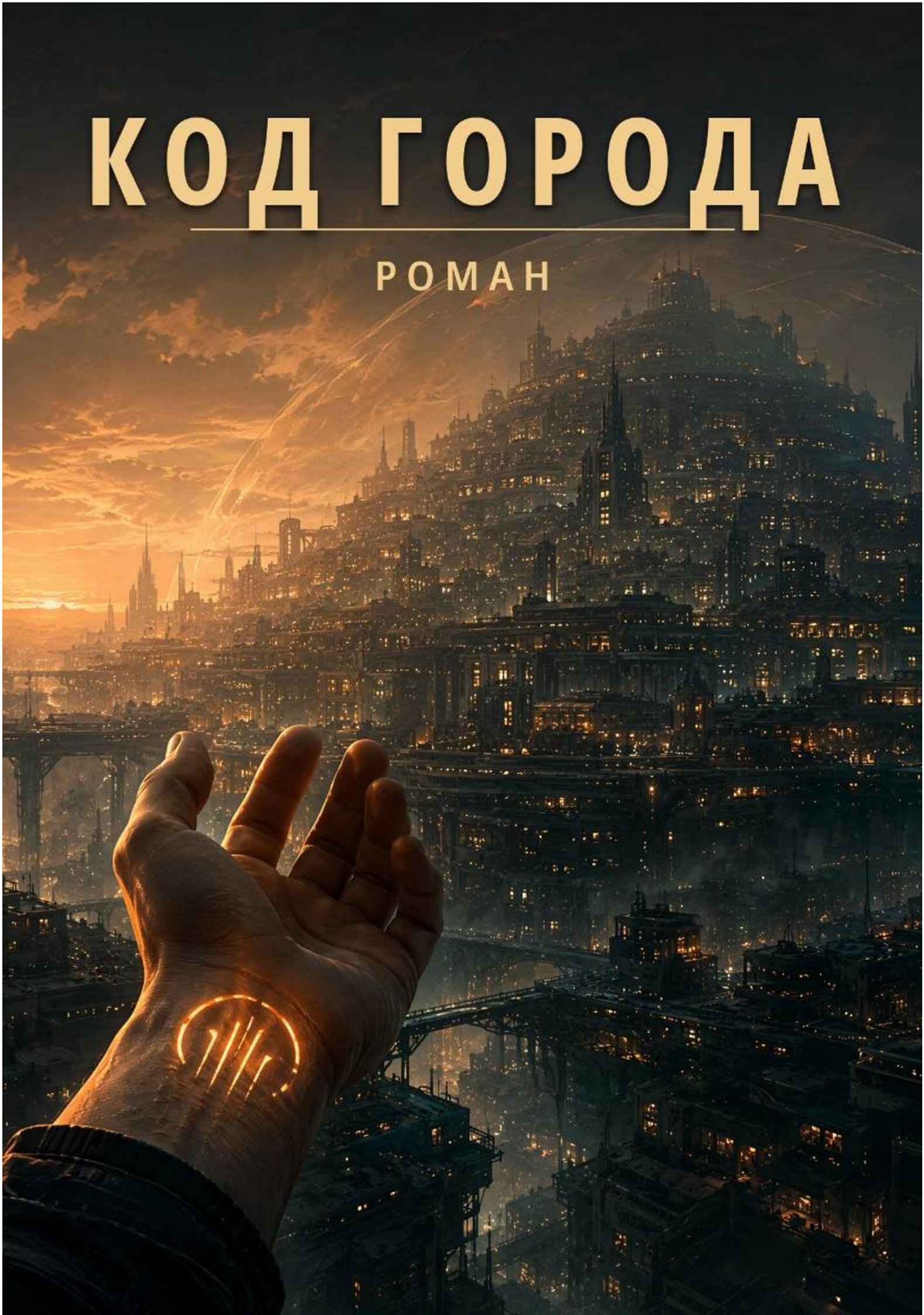
КОД ГОРОДА

РОМАН

Сергей Афонин

Код города. Том 1

«Автор»
2026

Афонин С.

Код города. Том 1 / С. Афонин — «Автор», 2026

2177 год. Мегаполис Каскад — город под куполом, где Память Города записывает каждого жителя, а Архив решает, кого помнить, а кого стереть. Ян Ветров, техник нижнего яруса, находит мёртвый экран с незамкнутым кругом из пяти линий — знаком, которого не должно существовать. С этого дня за ним приходит Эгида, а город начинает говорить с ним чужими голосами. Вместе с девочкой, дарящей свет, бывшим агентом и Хранителем без имени Ян идёт к сердцу Архива — и узнаёт, что его собственные воспоминания ему не принадлежат. Роман о цене памяти, силе обычных людей и городе, который помнит всё. Полностью завершён: 36 глав, 8 поворотов сюжета, все линии замкнуты.

© Афонин С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Афонин
Код города. Том 1

Глава 1

Глава 1. «Вне слоя»

Фильтр умер, как жил, — молча и в рабочую смену. Ян разобрал его на колене, прямо в коридоре семьдесят восьмого яруса, потому что тащить списанный узел в мастерскую значило бы заплатить за лифт, а лифт на Подошве считал каждый шаг.

— Восстановитель, — сказала табличка у него на груди. Самодельная, из обрезка экрана. Настоящие таблички были у корпоративных техников, и те на семьдесят восьмой не спускались даже по ошибке. — Чиню то, что Эгида выбросила.

Так говорило его объявление на доске. Доска называлась DailyDigs — слово древнее, никто уже не помнил, что оно значит, — и жила не в слое, а в руках: гравировка на стене у третьего шлюза, кусок провода, обвязанный вокруг трубы с узелками-метками, старуха Веста, которая знала все поручения яруса наизусть и брала за память два мига в неделю. Нейрокод доску периодически «выжигал» — стирал гравировку, резал провод. Доска отрастала. Её инфраструктура была не серверная. Её инфраструктура была — люди, которые друг другу должны.

Ян выковырял из корпуса фильтра сгоревшую мембрану, прищурился. Янтарный глаз видел в темноте коридора чуть лучше серого, и в этом чуть-чуть была вся разница между «списанным» и «поживёт ещё».

— Ты чего сидишь, — сказал он фильтру. — Тебя же списали. Списанные не работают.

Фильтр, разумеется, заработает. Ян знал это так же точно, как знал, что мембрана сгорела не от старости, а потому что кто-то три яруса выше перекрыл обратку, чтобы гнать тёплый воздух мимо счётчика. Система была сломана давно и наверху. Вниз дотекало уже готовое: мёртвые фильтры, холодные батареи, люди, которые платили за воздух и не получали его.

Он мог бы донести. Форма для доноса висела у каждого раздатчика. Он мог бы не доносить, но взять с заказчика вдвое — за молчание. Он сделал третье: снял с обратки самодельный клапан-воришку, замотал его в тряпку и сунул в карман. Вечером вернёт на место — переброшенный на два этажа ниже, туда, где в детской секции по ночам синели губы.

«Не высовывайся», — сказал он себе, как говорил каждый раз. «В последний раз», — сказал он себе, как врал каждый раз.

Собрал фильтр. Тот кашлянул, заурчал, погнал по трубам тёплое — ровное, честное, какого в этом секторе не было с зимы.

Заказчица, тётка из прачечной, протянула ему чип с мигами и не отпустила сразу.

— Глаз-то хоть прикрывай, — сказала она. — Люди пугаются.

— Пусть пугаются. Зато воздух будет.

— Воздух, — повторила она, будто ругательство. — Воздух у нас будет, когда ты сгинешь, Креч.

Она не хотела зла. На Подошве это было пожелание долгих лет: сгинь ты, растворись, стань никем — и живи. Незаметность здесь была не трусостью. Незаметность была пенсией.

Ян поднял воротник. Янтарный глаз в темноте светился слабо, но светился, и ничего с этим нельзя было поделать — дешёвая замена хрусталика, серый рынок, «глаз сети», как шипели ему вслед ещё в детстве. Люди отводили взгляд. Он привык раньше, чем научился бриться.

У раздатчика рабочего сегмента стояла очередь. Стояла неправильно.

Он увидел это издалека, ещё с поворота коридора, — и почувствовал, как внутри что-то устало опускается, потому что он уже знал, что не пройдёт мимо. Никогда не проходит. Раздатчик выдавал дневной паёк по талонам внимания: подошёл, приложил петлю, машина списала с тебя тридцать секунд сфокусированного взгляда на рекламный экран — получи брикет. Система простая, как лом. Но экран раздатчика умер ещё утром, и теперь машина требовала

фокус, который невозможно отдать, а люди стояли и тыкали петлями в чёрный прямоугольник, и очередь не двигалась, и никто — вот что его всегда поражало — никто не уходил.

Потому что уйти — значит решить самому. А решать самому на Подошве разучились раньше, чем ходить.

— Эй. — Ян тронул за плечо первого в очереди, парня с лицом, стёртым до базовой комплектации. — Экран мёртвый. Он не проснётся.

— Регламент, — сказал парень. — Тридцать секунд фокуса — брикет. Без фокуса нет брикета.

— Экран. Мёртвый.

— Регламент.

За парнем шевельнулась очередь — недовольно, как вода, когда в неё бросили камень: шумят, но обтекают. Кто-то сказал «не задерживай». Кто-то другой сказал «санитаров позову». Оба не смотрели на Яна. Смотреть на человека — значит потратить на него фокус, а фокус был валютой.

Ян вздохнул, снял с пояса отвёртку.

— Тогда давайте так. Регламент — это правило. Правило живёт в машине. Машина у меня вот где. — Он постучал отвёрткой по корпусу раздатчика. — А вы — вот где. — Постучал себя по лбу. — Кто из вас двоих мёртвый?

Он вскрыл панель за сорок секунд. Внутри было то, что он и ждал: плата уцелела, сдох только модуль экрана, а дозатор был на механической защёлке — древней, ещё тех времён, когда инженеры не доверяли программе право решать, есть у человека еда или нет. Ян любил такие защёлки. Они были из эпохи, когда системы строили люди, которые сами когда-нибудь стояли в очередях.

Он отогнул защёлку. Дозатор крякнул и выплюнул брикет. Потом второй. Потом, пока Ян держал рычажок, очередь пошла — робко, потом жадно, люди протягивали ладони, брали своё, и в их лицах не было благодарности, была растерянность: мир сошёл с регламента, и неизвестно, чем это кончится.

— Ты чего делаешь, — сказала женщина с ребёнком. Не спросила — укорила. — Придут — всем впаяют.

— Придут — скажете, что я вам угрожал.

— А ты угрожал?

— Страшно, — сказал Ян.

Ребёнок смотрел на него не как остальные. Дети ещё не знали цену фокусу, и в глазах этой девочки, лет шести, было что-то, от чего у Яна свело под рёбрами: она смотрела на него так, будто он был самой интересной вещью за весь её день. Он отвернулся первым. Дал ей лишний брикет, пока мать не видела. Слабость. Каждый раз одна и та же слабость — и он даже знал, что она его когда-нибудь убьёт, но знание, как обычно, ничего не меняло.

Он закрыл панель, вернул защёлку в положение «тихо», пристроил рядом с раздатчиком согнутый гвоздь — метка для Весты: «машина в ручном режиме, починю, когда будет с чего». Ушёл, не дожидаясь, пока очередь закончится.

Вечером он не помнил, что ел.

Это приходило в последние месяцы всё чаще: он добирался до каморки, садился на жёсткую лежанку и обнаруживал, что день — как чужой карман, вывернутый на стол. Вот утро — было. Вот фильтр. Вот очередь. А между ними — серое, безвкусное, пережёванное не им. Тридцать секунд у раздатчика, минута на тарифном экране лифта, два мига Весте, четыре — корпоративному окну за справку, которую ему всё равно не дали. Он считал, когда мог. К вечеру счёт всегда сходился на одной и той же цифре: в минус. Бедность на Подошве не звенела в кармане. Она сидела за глазами и шептала: «ты сегодня ничего не запомнил, потому что твой день съели».

Он знал, кто это шепчет. На ярусах её не называли по имени, но у гильдии Тихарей было слово — Гладь. Сущность, которая живёт в лентах и кормится вниманием, лишённым смысла. Ян не верил в сущности — он верил в то, что видел собственными руками, — но он видел людей у лифтов, у которых за стеклом глаз бежал и бежал контент, а лица не было. Если это не сущность, думал он, то какая разница, как её звать.

Лента у него была своя: трещина в потолке каморки. Он смотрел в неё, пока дыхание не выровнялось. Тихари называли это «вернуть фокус домой». Ян называл проще: досчитать до ста, прежде чем город досчитает тебя.

Он не досчитал до сорока.

Провал взял его под рёбра — всегда под рёбра, будто кто-то нащупал выключатель внутри, — и мир стал другим. >ВОСПОМИНАНИЕ >>Сначала — завод. Огромный, ночной, дышащий — и вдруг переставший дышать: станки встали не плавно, не по команде, а как будто весь цех разом задержал дыхание. Кто-то из сменщиков перекрестился. Кто-то — один, у ближнего конвейера, здоровый мужик с лицом, привыкшим не показывать, — вдруг сказал тихо: «Стой. Ещё минуту стой», — и было непонятно, кого он просит, потому что оборудование и так стояло, и минуту спустя сменщик, который как раз собрался лезть под пресс, отошёл, живой, так и не узнавший, что его только что передали из рук в руки. >>Потом — свет. Кварталы гасли не по одному, а как по вздоху: раз — темнота, два — темнота, и в этой темноте по всему городу, от коммуналки до телебашни, оживали экраны. Уведомления приходили сами. Ни отправителя, ни адреса. Люди выходили на лестничные клетки с телефонами в руках, светили друг другу в лица и спрашивали: «Тебе тоже? Тебе тоже?» >>А те, кто наблюдал, — не спрашивали. >>Их было несколько. Они стояли там, где им полагалось стоять, — один у прибора, похожего на сложенный веером хрусталь; другой у окна родильного дома, не входя; третий — далеко, на крыше, с картой. Старой картой, бумажной, из тех, что уже никто не печатал. На карте, поверх литографских улиц, проступал символ — не напечатанный и не нарисованный, а как будто город сам показал, где у него родинка: круг, а внутри — пять линий, и ни одна не замыкается. >>— Пять потоков одновременно, — сказал кто-то из них. Голос был спокойный, но руки у того, кто держал хрустальный веер, дрожали. — Такого не было больше тысячи лет. >>В родильном доме закричал ребёнок. Обычный крик, мокрый и сердитый, — но когда он открыл глаза, на несколько секунд исчез весь шум города: не стало ни гула, ни сирены, ни ветра в трубах. Тишина стояла такая, что у наблюдателя на крыше заложило уши. >>А потом шум вернулся — и город, не понявший ничего, пошёл дальше. >>Только на карте остался круг с пятью линиями. И у ребёнка на запястье — такой же.

Ян вернулся в себя на полу каморки. Лежал щекой на холодном металле и дышал, как вытащенный из воды. Трещина в потолке была на месте. Город гудел за стеной обычным гулом семьдесят восьмого яруса — трубы, чужие шаги, вечный низкий вой вентиляции.

Он поднял левую руку. Под кожей, на запястье, тускло тлел круг. Пять линий — как остывающий металл, если бы металл мог остывать сто лет и не остыть.

С рождения. Ни одна система не знала о нём, ни один сканер не видел схемы — для города его запястье было битым пикселем, шумом, дыркой в картинке. Мать — он почти не помнил мать, одни руки и запах дешёвого мыла — говорила единственное, что он запомнил намертво: «Никому. Никогда. Это не знак, Януш, это мишень».

В детстве он думал, что все видят такие сны. Потом думал — что он глючный, что это дешёвый хрусталик сыплет в мозг картинки с помойки. Потом перестал думать что-либо. Сны были. Они приходили, когда хотели, и уходили с мелочью вещей, которых он никогда не видел: вот сейчас — запах. Горячий металл, озон и ещё что-то живое, тёплое — парное молоко? пот? — чего-то, чего он не знал словами. Ян вырос на Подошве. Он не знал, как пахнет родильный дом. Но ладони помнили холод ночной крыши.

Чужие ладони. Вот что хуже всего.

Он поднялся, опираясь о стену, и тогда услышал.

По коридору, шагах в сорока, работал громкоговоритель — «…граждане, сохраняйте спокойствие, проводится плановая санитарная проверка секторов…» — и Ян вдруг осознал, что голос не новый. Голос шёл уже давно, минуту, две, может, все те минуты, что он лежал на полу. Санитарная проверка. Он вытянул из памяти номер сектора, который называл динамик, когда просыпался мир: семьдесят пятый ярус.

Семьдесят пятый. Он жил на семьдесят восьмом. Три этажа.

У него не было петли. Для сканеров он не существовал — но именно это и было проблемой: ловец Эгиды шёл по ярусу, глядя не глазами, а слоем, и человек, которого слой не видел, всплывал в его поле зрения как слепое пятно, как провал в пикселях. «Сбой с контуром человека». После таких проверок на ярусе становилось тише: кого-то «сопроводили для калибровки», и про него забывали, потому что вспоминать — тратить фокус.

Ян двигался быстро, но без суеты — суета это роскошь, у него её не было. Респиратор на шею. Сумка с инструментом. Тряпка с ворованным клапаном — в карман. Он выскользнул в коридор и пошёл против движения: санитары поднимались снизу, значит, вниз нельзя, значит — вбок, вдоль жилого кольца, к третьему шлюзу, там лестница обслуживания, о ней слой не знал, потому что её сто лет как «оптимизировали».

Динамики молчали.

Он заметил это уже у шлюза: он шёл, и городской голос — тот, что всю жизнь бормотал из каждой колонки «берегите внимание, гражданин» и «ваш маршрут рекомендован», — замолкал. Не выключался. Именно замолкал, как замолкает человек, когда мимо проходит кто-то, на кого хочется посмотреть. Колонка впереди умолкала за секунду до того, как он поравняется с ней, и оживала за спиной.

Ян не стал думать об этом. Думать об этом было некогда и незачем: глюк в сети, бывает, не твоя забота. Но по спине прошло — раз, другой, — как будто город переступил с ноги на ногу.

У третьего шлюза его ждали.

Не санитары. Девчонка. Она сидела на переборке, свесив ноги, и крутила в пальцах проводок; под левым глазом у неё мерцал ряд самопальных точек — свет бежал по ним, как вода по желобу, и Ян понял, что она слушает сеть прямо сейчас. Выбритая полоса в волосах, вплетённое оптоволокно. Он знал её в лицо — рынок, серые заказы, кличка Глитч, — и она, судя по всему, знала его лучше.

— Креч, — сказала она, не поднимая глаз. — Янтарный. — Точки под глазом мигнули. — Семьдесят пятый уже закрыт, семьдесят шестой закрывают. Через две минуты сканер сделает проход по этому кольцу, и знаешь, что он увидит?

— Ничего.

— Ничего с ногами и рюкзаком. — Она наконец посмотрела на него. Хром блеснул во рту, когда она усмехнулась одной стороной лица. — Ничего ходячее — это самое интересное, что случится у них за неделю. Пятьдесят мигов, и твоё «ничего» пройдёт по кольцу как «техник смены Б, допуск подтверждён».

— У меня тридцать.

— У тебя клапан в кармане, который ты стащил с обратки семьдесят девятого. — Она спрыгнула с переборки. — Он стоит сорок. Я добрая. Тридцать и клапан.

Ян смотрел на неё две секунды. Потом отдал чип и тряпку с клапаном, потому что торговаться с человеком, который слушает сеть, когда в сети ходят санитары, — это приносить нож на переговоры о ноже.

— Как узнала про клапан?

— Я не узнала. — Она уже что-то делала с куском экрана, примотанным к её предплечью; пальцы бегали по воздуху, как по клавишам. — Я увидела, что на семьдесят девятом обратка

снова гонит воздух мимо счётчика — аж сегодня утром, через два часа после того, как её кто-то разжалобил. И подумала: кто на этом ярусе не может пройти мимо сломанного? Ответ оказался один.

— Следишь за мной?

— Слежу за деньгами. Ты просто часто стоишь рядом с ними, не замечая. — Экран на её руке моргнул зелёным. — Всё. Иди по кольцу, не беги, руки из карманов. Ты теперь техник смены Б. Тебя зовут… — она скривилась, — …тебя зовут Палыч. Не смейся. Смех слой не распознаёт, но охрану раздражает.

— Зачем тебе клапан?

— Продам тому, у кого ты его стащил. — Она усмехнулась снова, уже не глядя. — Считай это налогом на доброту.

Он ушёл по кольцу, техник Палыч, смена Б, и сканерный проход прошуршал над ним тёплым невидимым дождём и не нашёл ничего, кроме подтверждённого допуска. На пересечении седьмого коридора динамик сказал ему вслед — очень тихо, почти на границе слышимости, — что-то, чего Ян не разобрал. Одно слово. Могло быть «посторонитесь». Могло быть — «постой».

Он не постоял.

В мастерской — жестянке под старой венткамерой, которую он делил с ещё двумя восстановителями, ушедшими на ночную смену, — он сел верстаку лицом и долго смотрел на своё запястье. Линии погасли. Кожа как кожа, только рисунок — тот, что он помнил всегда, с самой первой фотографии, которой у него никогда не было.

На стене напротив стоял мёртвый экран. Большой, списанный за мёртвость: три года он не показывал ничего, и Ян держал его как зеркало — протирал, чтобы видеть, не горит ли янтарный глаз слишком ярко.

Сейчас экран светился.

Не включился — именно светился изнутри, тускло, как тлеет уголь под пеплом. И в этой тли проступало, линия за линией: круг. Пять штрихов внутри. Ни один не замыкался.

Ян сидел очень тихо. Где-то за стеной гудел семьдесят восьмой ярус, динамики снова бормотали что-то успокоительное, в миг-банке города на его имя — на ничьё имя — лежало ноль целых ноль внимания, и единственное, о чём он мог думать, было то, что мать врала ему только один раз, в самом конце, когда сказала: «Это пройдёт».

Он поднялся, нашарил тряпку и накрыл экран. Тот продолжал светиться сквозь ткань — упрямо, терпеливо, как вещь, у которой времени больше, чем у человека.

— Не знаю, кто ты, — сказал Ян экрану. — Но уходи. Мне и тут нравится.

Это была ложь, и оба они — парень без слоя и мёртвый экран, который вдруг ожил, — оба это знали.

СТРАНИЦА ИЗ АРХИВА КАСКАДА — фрагмент открытой Памяти Города. Подлинность подтверждена оттиском печати

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.